

Олег
Ермаков

Либгерик

РОМАН

Олег Николаевич Ермаков

Либгерик

Серия «Самое время!»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63020607
Олег Ермаков. Либгерик : роман: Время; Москва; 2020
ISBN 978-5-9691-2041-9

Аннотация

За роман «Песнь тунгуса» Олег Ермаков удостоен премии «Ясная Поляна». Наградой в номинации «Выбор читателей» стала для писателя командировка в Сеул. «На исходе ночи я очнулся и увидел, что самолёт пролетает мимо Байкала. В Корею, в страну дальневосточных созерцателей... Не очередная ли это песнь байкальского жителя? Песнь странствий?» Так в результате и вышло. Семейная пара из Петербурга оказывается по приглашению в Сеуле. Бродя по улочкам экзотического города, они вспоминают годы молодости, когда жили на Байкале, в заповеднике. Герой там работал лесником и бредил мифическим царством Иоанна с одним примечательным деревом, шагнув за которое, можно было оказаться «на той стороне». И лесник честно пытался это сделать... И теперь ему, не слишком успешному бизнесмену, снова мерещится «та сторона». Неожиданная встреча со странным гидом как будто сулит это проникновение. У гида Лиды своя история путешествия «на ту сторону», в котором

тоже был гид – эвенк, правнук великой шаманки Шемагирки. Маршруты романа уходят на Курильские острова, в Японию, в средневековую Корею и Китай, на Байкал и в места, вовсе недоступные обыденному сознанию.

Содержание

Информация от издательства	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Ермаков

Либгерик

*Обняв сосуд с огнем погасим,
Глубокой ночью я кружил.
Юн Дон Чжу*

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Оформление, макет

Валерий Калныныш

На обложке фото автора книги – фениксы росписи северо-восточных средневековых врат Сеула Хехвалмун («Врата, излучающие мудрость»)

© О. Н. Ермаков, 2020

© «Время», 2020

Часть первая

1

В Сеуле шел снег.

Кристина зевнула.

– Проснулась? – спросил Шустов, оборачиваясь и успевая увидеть в большом прямоугольном зеркале над столом с журналами, настольной лампой и какими-то пакетиками отражение комнаты: белоснежной, как великий сугроб, широкой кровати, странных, наверное авангардистских, картин, напоминающих увеличенные георгиевские ленты, вход и решетчатую деревянную перегородку, закрывающую кухню с раковиной, плитой и стиральной машиной.

Это было похоже на кинолентку, которую зачем-то отматывают назад. Еще мгновение – и все кадры уйдут дальше, мимо деревянной перегородки, в прихожую с обувью у порога, за дверь, по коридору, в лифт, в холл гостиницы с подтянутыми вышколенными девушками и молодыми мужчинами в черно-белых костюмах, лучезарно улыбающимися всем встречным-поперечным под гигантского размера птичье-древесной картиной в духе Анри Руссо; по автостраде; через мегаполис; мимо гор; на длинный мост через морские

заливы; на остров, откуда взлетают, разогнавшись, как динозавры тяжкие и размашистые лайнеры...

В воздух!

И обратно, через полмира, поперек Азии, над Китаем, Монголией, Сибирью, за Урал...

Но где-то за Монголией пространство резко... резко... Что-то с ним случилось. Оно разбросило рваные лепестки. Именно там Шустов и проснулся, закемарив еще над Западной Сибирью. Вязкий гул самолета словно оторвался, повис позади. Как и великое пространство. И осталось голое время. Оно синей дугой вошло в зрачки, и это была траектория самолета на дисплее перед сиденьем.

Синяя дуга и маленький самолетик на ней проходили мимо нарисованного большого бумеранга – Байкала.

В этот миг зашевелилась и Кристина на своем сиденье. Оба сиденья были зажаты двумя другими, на которых похрапывали два корейца, а может два китайца или японца. До иллюминаторов далеко. И к тому же они были закрыты. И к тому же стояла ночь. Или текла, неслась со скоростью девятысот километров в час. А в сознании с еще большей скоростью мелькали кадры давнего забытого кино про древнее пресное море, крошечный поселок на берегу, где жили лесники и научные сотрудники заповедника, библиотекарь, хлебопек и электрик Виктор Петров с патриаршей черной бородой лопатой, его миловидная жена, пожарный – в прошлом органист, то есть настройщик органов из Таллина, как его...

Гена? Или Николай... Кое-что уже забылось. Но не бирюза Байкала в тихий дивный час на рассвете. Не аромат тайги: багульника болотного, смолы, хвои, прелой листвы. Не дали, открывавшиеся с вышки на горе... на горе Бедного Света. Это название дал молодой тогда лесник Шустов, и оно понравилось Петрову, бывшему геологу, философу с анархистским уклоном, игравшему фламенко и штудировавшему испанский, ибо название предполагало рост – рост света.

Этого не забыть.

И притулившейся на горе под многометровой вышкой из сосновых и лиственничных бревен избушки, зимовья с одним окошком, с цветами на подоконнике в банке из-под конской тушенки, транзисторным приемником, изливавшим советскую пропаганду, но и добротные познавательные, литературные и музыкальные передачи, каких сейчас нет и в помине. На этой горе, в этой избушке они и жили целое лето, Олег Шустов и сбежавшая из Ленинграда студентка Кристина; он не попал из-за туманов в армию, не смог вылететь на большую землю; Кристина ждала ребенка. И они были счастливы.

По утрам на дерево прилетал орлан.

Где эта гора Бедного Света?

И вырос ли свет?

– О нет, пожалуй, и не проснулась, – пробормотала женщина, накидывая халат и неотрывно глядя на окно.

Запахиваясь, она зашаркала синими гостиничными та-

почками по паркету, остановилась у окна, к которому и Шустов уже повернулся, снова увидев в зеркале отражение деревянной перегородки, авангардистских картин – и, наверное, всего, что было потом, после байкальского лета, всей состоявшейся и несостоявшейся жизни, ведь прошлое на самом деле упаковано в песчинку размером с горчичное зерно, как писано в Великой книге, что, мол, крошечное горчичное зернышко, а разрастается деревом; в сознании это зернышко то и дело взламывает настоящее могучим стволом и ветвями – и снова оборачивается хлебной крошкой...

За окном во всю стену падал снег.

Снег сыпался, вился мокрыми белыми прядями между высотными домами, налипал на зеленоватую черепицу готической церкви с крестом на башенке и крупными иероглифами на фасаде над большим круглым окном, летел на бетонные ограды, магазинчики внизу, строения с какими-то изогнутыми блестящими трубами.

– Снег, – подтвердил Шустов и прокашлялся.

– А так тепло вчера было, – чуть хриловато со сна сказала Кристина, протянула бледную точеную руку к стакану с водой, сделала глоток. – Странно, – проговорила, утирая тыльной стороной ладони губы.

– Вот так, – проговорил Шустов. – Может, произошла какая-то ошибка? И мы оказались не на юге, в Сеуле, а на севере – в Пхеньяне? В лапах спецслужб Ким Чен... Чен Им... В общем, вечного Ким Ир Сена.

– Хм...

– Или это мы с собой его и привезли.

– Кого? – спросила быстро Кристина, с испугом взгляды-
вая на Шустова, и тут же рассмеялась. – Да в Питере еще нет
и в помине.

– Неизвестно. Может, как раз и выпал, – возразил Шустов.

– Что же делать? – спросила Кристина, щурясь на белый
свет из окна.

– Готовить завтрак.

– Ах ты! Черт! – Кристина взмахнула рукой, повернулась
к электронным часам. – Завтрак-то мы проспали! Портье го-
ворил, что со скольких-то до десяти. А уже одиннадцатый
час. Пятнадцать минут... Надо было завести будильник.

– В Питере еще только четыре утра. Обогнали ночь. При-
летели поближе... к источнику. До Японии тут рукой подать.

– А при чем тут... – пробормотала Кристина, ловя рыжую
прядь и скашивая глаза на кончики волос.

– Страна восходящего солнца, – ответил Шустов.

– Я слышала, они их не любят, – проговорила Кристина,
продолжая рассматривать волосы.

Шустов хотел уточнить, кто кого не любит, но уже понял
и промолчал.

2

Полчаса спустя они сидели за стеклянным круглым сто-

лом, пили горячий чай с питерскими конфетами и бутербродами, загодя приготовленными Кристиной, и смотрели в окно на безостановочно выющиеся космы снега.

– Мокрый снег... как это мерзко, – ежась, говорила Кристина.

– Надо было устраивать конференцию в самое комфортное время, весной или в сентябре.

Кристина усмехнулась:

– Это корейцы, дорогой.

Шустов поморщился:

– Слушай, если это кино, то совсем не голливудское, – сказал он и сделал большой глоток чая, обжегся и еще сильнее сморщился.

Брови Кристины взлетели.

– Мм?..

После чаепития Шустов сказал, что рассиживаться нечего, надо действовать; у них в запасе только неделя. Кристина уже надела очки и включила ноутбук. Ее глаза под стеклами очков еще больше расширились, когда она взглянула на Шустова.

– Что ты хочешь сказать?

– Пора.

Кристина, качая головой, вновь обратилась к дисплею ноутбука, и стекла очков налились холодной свинцовостью. Шустов снял халат.

– Тебе жарко? – не оборачиваясь, спросила она.

– А может, в нем и пойти? Буду как самурай снега.
То есть – снеговик.

– Куда пойти?

– В город. Не каждый день просыпаешься в Сеуле. Довольно дорогое удовольствие.

– Ты шутишь, – убежденно сказала Кристина.

– По-моему, это ты шутишь. Или все еще спишь. Одно из двух. Проснись, красавица, пора. Друг прелестный.

Кристина скривила губы.

– Как-то... невкусно.

– Уж лучше голливудского *дорогого*. Пошли.

– Да ты что?! Там у Пушкина хотя бы было солнце, пусть и мороз. А здесь – мокреть. Мокрый снег. И он не кончается. Я, – проговорила она, плотнее запахивая толстый белый халат на груди, – никуда не пойду.

– А на обед снова будут конфетки с чайком? Надо хотя бы купить яиц, масла, вон сковородка имеется, пожарим яичницу, вечный обед холостяков.

– Чего это ты возомнил себя холостяком? Мы вместе сюда прилетели, дорогуша.

– Друг прелестный...

– Перестань.

– Да сколько раз...

– Ах, извини, действительно. Уж совсем не... Ну, хорошо.

Договорились.

– ...И вот прикуплю, – продолжал Шустов, натягивая

джинсы, – прикуплю лука, рыбы, хлеба, а может и картошки. Говорят, здесь есть какой-то знаменитый рыбный рынок. Я читал... Как его... Норя... Не помню, как дальше. Надо было купить путеводитель. Гид, видишь, побоялась снежных заносов.

– Она завтра будет, пришла эсэмэска.

– Зачем она нам вообще? Что за буржуйские прихоти?

– Сами мы тут ничего не поймем. Это же другая планета.

И английский тут не в ходу, – напомнила Кристина. – Да и зачем отказываться? Это подарок от компании.

Шустов тяжело вздохнул:

– Как я ненавижу новые времена.

Брови у Кристины взлетели.

– За что же? За поездку сюда?

Шустов молчал, надевая рубашку, свитер. Потом обувался. Наконец, разгибаясь, ответил:

– За этот подлый язык.

Ноутбук с визгом двинулся по стеклу стола. Кристина сняла очки, с возмущением глядя на Шустова.

– Что ты имеешь в виду? Что я не так сказала?

– Да ладно.

– Нет уж, скажи.

– Ну, *от* компании. Рассказ *от* известного писателя имярек. Платье *от* кутюрье Зайцева.

– О! О!.. А ваш язык, сударь любезный, просто всегда само совершенство. Просто шик и блеск сапожника, опора во

дни сомнений и раздумий. Уши вянут.

Шустов усмехнулся:

– Иногда сильные переживания требуют сильных выражений. Это было свойственно даже Пушкину. А он – солнце.

Кристина взяла стакан, сделала глоток. Повернулась к окну. Шустов шуршал курткой, заматывал шарф.

– Так ты серьезно... Намереваешься... – проговорила глухо Кристина.

– Намереваюсь, – сказал он.

– Вымокнешь да и сляжешь с температурой. С твоим-то горлом. Даже от помидора из холодильника гланды тут же краснеют... Ой, – спохватилась она, театрально прикрывая рот рукой. – Что я сделала? Опять. *От* помидора. Или все правильно?

Шустов улыбнулся на ее замечание.

– Куплю водки. Заранее.

– Угум, это мы умеем, любим лечиться. Не надо, а?

– А что, думаешь, они святые тут? Трезвенники? Глушат свое sake небось.

– Это японское.

– Ладно. Постараюсь. И вот что я нашел за дверцей.

– Что? – спросила живо Кристина.

Он показал синий зонт, раскрыл его, и тот сразу заполнил всю прихожую.

– Огромный, – сказал Шустов. – С лейблом гостиницы, чтобы не сперли русские мазурики.

– Тут весь мир перебивал.

– А лейбл – для нас.

Кристина вздохнула.

Шустов сложил зонт и взялся за ручку двери.

– Постой, – окликнула она мужа. – Раз есть такой большой зонт, я, пожалуй, пойду тоже.

Шустов улыбался, глядя исподлобья.

3

Первый снег, первый снег...

В Сеуле.

Редкие прохожие под зонтами спешили где-нибудь спрятаться от этого мокрого снегопада – в кафе, в офисе или хотя бы на остановке. Снег налипал на желтую и пурпурную листву. А листья на некоторых деревьях и кустах и вовсе были зелены. И на клумбах пестрели живые цветы. Ветки сосен тяжело гнулись. Перед кафе и магазинчиками орудовали лопатами смехотворно хрупкие работницы в легкомысленной одежде: курточках, брючках, из-под которых выглядывали голые щиколотки; им помогали и простоволосые парни в кроссовках на босу ногу. Прохожие тоже были без головных уборов, но хотя бы защищены зонтами. Впрочем, встречались и горожане без зонтов, в расстегнутых черных полупальто, с галстуками, в белых рубашках, без перчаток. Кристина и Шустов с изумлением на них таранились. Те в свою

очередь тоже с любопытством поглядывали на парочку под синим зонтом с гостиничным желтым знаком; у Кристины из-под кремового берета выглядывал яркий рыжий хвост; щеки Шустова занесены были как будто снегом, но снегом, смешанным с углем. Сами мужчины на улице все были безупречно выбриты, подтянуты, быстры, но не суетливы. Кристину поразил снег под ногами – снежная каша чиста, и лужи, ручейки, бегущие всюду, прозрачны.

– У нас первый снег мгновенно превращается в коричневую слизь, мутные лужи – в грязные болотца, – бормотала она, осторожно шагая. – Как им это удается?..

– Это уж нам удастся на славу, – бросил Шустов.

– Да нет, им, сеульцам.

Шустов хохотнул.

– Что смешного? – поинтересовалась Кристина.

– Мне все слышится что-то сельское.

– Ну, – откликнулась Кристина, окидывая взором высотные дома, похожие на толстые сигары или, скорее, на самолеты с отбитыми крыльями и хвостами, поставленные на по-па, – уж на село этот монстр стекла и бетона точно не похож.

По дороге проезжали автомобили, беспрерывно смахивающие с циклопического растянутого ока снег двумя мощными ресницами. Неспешно тянулись синие и зеленые автобусы. Стекланные этажи уходили в беспросветную снеговую высь, сквозь которую светились электрические экраны, надписи. То и дело попадались прислоненные к перилам горные

велосипеды, занесенные снегом, и не пристегнутые замками.

– Похоже, у них не только снег чистый, но и помыслы, – заметила Кристина, кивая на очередной велосипед.

– Наверно, рубят топором руку воровскую, – тут же предположил Шустов.

– А по-моему, у них вообще мораторий на смертную казнь.

– Отрубить руку – еще не убить.

– Уже от ужаса помереть можно.

Они шли по улице под большим синим зонтом с желтым знаком, глаза по сторонам.

– Куда мы вообще идем? – спросила Кристина.

– Не знаю, – ответил Шустов.

– Не заблудимся?

– Я этого давно хотел, – сказал он. – Затеряться среди чужих гор, чужой речи. Утонуть в ней и, как пел Высоцкий, позывные не передавать.

– Посмотри, – сказала Кристина, – даже ребенок без шапки.

Навстречу им шли отец и сын, оба в темных очках, в куртках, джинсах, простоволосые; у мальчика куртка распахнута, через плечо сумка с каким-то мультяшным персонажем и надписью «Big Hero». Правда, снег немного унялся, только изредка летели с неба лоскуты. Тогда Шустов нажал на кнопку, и зонт схлопнулся. Мальчик одобрительно кивнул.

Через дорогу они увидели внушительных размеров арку и

направились к ней. Она была похожа на парижскую. За аркой зеленели сосны и высился монумент.

– Неужели и здесь Ильич? – удивился Шустов.

Нет, это был памятник какому-то местному деятелю, но пафос, с каким он вскинул руку с кепкой, – нет, с посланием потомкам, свернутым в трубку, – расстегнутое пальто, простоволосая голова, – во всем этом было что-то неизбежно соцреалистическое.

– Ничего-то мы не знаем о Корее, – посетовал Шустов, – кроме того, что, как и Германию, ее раскололи тектонические сдвиги на два материка: социализма и капитализма.

– Мог бы и узнать что-то перед поездкой, – ответила Кристина, кривя покрашенные губы.

– Ты же знаешь, что некогда. У меня до сих пор перед глазами цифирь отчетов.

– Пора бы вполне доверять Надежде Алексеевне. Сколько она уже бухгалтершей у тебя?

Шустов мотнул головой в вязаной шапке с помпоном, сморщился.

– Слушай, какая скука толочь это и здесь.

Кристина улыбнулась, глядя на его шапку.

– Но шапку она тебе ко дню рождения связала веселенькую.

Шустов потрогал шапку и сказал, что ему нравится, это именно шапка для сказочных путешествий.

– Хм, пока что тут только сказочно сыро, холодно, бр-р-

р, – отозвалась Кристина.

– Не знаю, – сказал Шустов. – Но, возможно... все и начнется сейчас.

– Почему именно сейчас?

– А вот мы входим в эту арку.

Они проходят под аркой и оказываются на той стороне.

4

Шустов говорит, что в каком-то журнале, «Вокруг света» возможно, сто лет назад, а точнее, мм, лет тридцать с лишним, на Северном кордоне на Байкале он, вчерашний школьник, прочел такую средневековую байку про пресвитера Иоанна, что, мол, путешественники прибыли в его царство, пошли на прогулку, увидели древо некое, о котором их предупреждали не заходить *на ту сторону*, потоптались, попятились, да неумный один их спутник взял и шагнул на запретную сторону.

– Что он там увидел? – мимоходом спрашивает Кристина, снимая смартфоном заснеженные сосны, памятник за аркой.

Шустов кашляет, отвечает, что это и неизвестно, он просто рассмеялся и ушел дальше, а его спутники напрасно ждали до вечера. И вот он, молодой лесник Шустов, прибывший в Сибирь за неведомой долей, буквально заболел этой байкой, и ему за каждым кедром, за всякой лиственницей в смолистых потеках мерещилось царство Иоанна.

Кристина морщит лоб.

– Это же мифическое?

Шустов кивает. Она снимает его.

– Все-таки шапка у тебя клоунская, – говорит она.

– Между прочим, полагали, что это царство находится где-то в восточных краях, в Тибете, в Монголии, даже в Казани...

– Или здесь? – догадывается она.

– Да. Но это уже мое предположение.

– На чем оно основано? – сухо интересуется она.

– Ну вон же, сколько тут церквей. Вон выглядывает крест. Вон. И пока шли, видели. Да и прямо перед гостиницей. А этот пресвитер и был христианским царем среди шаманов, мусульман, буддистов и всяких даосов там.

– Что-то вас, господин торговец, на запредельное потянуло.

Шустов с ухмылкой на тяжеловатом, слегка обрюзгшем лице оглядывается на пройденную арку и делает широкий жест. Кристина перестает снимать его на смартфон, бормочет, что надо обязательно переменить головной убор.

– Вот еще, – брюзжит Шустов. – У нас в Питере все так ходят.

– Что, если нас увидит кто-то из прибывших на конференцию?

– Начхать. Откуда им знать, что я твой муж? Может, любовник.

– Хм, ему тоже надлежит выглядеть соответствующим образом.

– Каким образом?

– Таким. Не клоунским.

Шустов хрипло смеется, проводит ладонью по стреляющей щетине.

– Известный биолог Кристина Альбертовна Шустова и клоун, торгующий финским ширпотребом.

– Китайским.

– Какая разница.

– Вообще-то немаленькая. Эти знаменитые *финские* пуховики, *шведские* парки и шубы из *скандинавской* норки на соседнем рынке продают пареньки и девчата из Поднебесной – и в несколько раз дешевле.

– Перебивают нас дешевизной, выезжают за счет вала.

– Ну, дорогуша, перестань, я же не инспектор администрации Адмиралтейского района. Просто люблю точность.

– Конечно, нет, уважаемый представитель «Потребнадзора».

– О-о, это что-то новенькое.

– Да нет, как раз старенькое. Надзирать и потреблять – это ваше призвание. Плащик-то на вас истинно финский. Сапожки шведские. Перчатки норвежские.

Лицо Кристины искажает брезгливая гримаса.

– Не перебарщивай.

– Ну я уже не помню, чьи перчатки... Но именно так мы

и одеваем всяких там инспекторов-потребителей.

– Как будто кто-то неволит.

– Да-с, неволит! Жизнь и неволит! – восклицает Шустов, кривляясь.

Помпон на его шапке раскачивается из стороны в сторону, как огромный бубенец пестрого, оранжево-голубого цвета.

Действительно, как можно было надеть в столице иностранного государства, мирового лидера по выпуску кораблей, родины тхэквондо и непримиримо жестокого режиссера Ким Ки Дука такой дурацкий колпак. Он надел его даже раньше, еще в самолете. То есть еще раньше – в Пулкове. Да, в Пулкове он уже был в этой шапке. А может и нет, еще стеснялся, так, накинул капюшон *финской* куртки. А в Пулкове или все-таки в самолете, когда тот пролетал мимо Байкала, самого глубокого озера нашей планеты, и напялил колпак с бубенцом. Возможно, что-то его донимало. Храп соседей корейской национальности. Натянул колпак на уши. Но не уснул, а проснулся. Хотя мудрец называл пробуждением именно сны, а обычную реальность – сновидением. Этого мудреца Шустов держал в штате своей фирмы, он был сторожем складского помещения с товаром. Звали его Карлом. Так-то, по паспорту – Николаем Игнатьевичем. И бороды у него, как у Маркса, не было. И о Карле Великом он не заикался. Просто любил спать и видеть сны, а потом рассказывать. Это были целые сериалы. И кто-то сравнил их с «Ходячими мертвецами», сериалом про зомби и выживших, а там-то

и был мальчик-герой Карл, породивший этот мем: «Карл!». Прозвище, как это и бывает, случайно, но крепко приклеилось. Разумеется, его надо было гнать в три шеи с работы, но как-то он прижился, нелепый, бледный, курносый пенсионер с лысиной. Карл.

– Карл, – бормочет Шустов, ухмыляясь.

– Чего? – спрашивает Кристина, снимая на смартфон слушателей, сбивающих с сосен снег длинными палками.

Шустов молча наблюдает за работниками в синей униформе, в оранжевых касках. Один из них замечает иностранцев, что-то говорит напарнику, тот оглядывается, хмурится – и неожиданно улыбается, кивает. Кристина отрывается от съемки и тоже улыбается, машет рукой.

– У американцев научились, – бурчит Шустов.

– Нашим тоже не помешало бы этому поучиться.

– Да уж... наши работники давно послали бы такую съёмочную группу подальше. Но какого ляда они сбивают снег?

– А ты видел, как обматывают деревья соломенными покрывалами? Похоже, тут культ дерева.

– Хм, тогда бывшие лесники заповедника прибыли в нужное место, – заключает Шустов.

Они проходят мимо какого-то мемориального комплекса. За оградой одноэтажные здания казарменного типа, обелиски. Шустов говорит, что это казармы или тюрьма. По дорожке за оградой идут туристы с белыми флажками, на которых краснеет круг.

– А вот и гонцы солнца, – бросает Шустов.

Кристина снимает их через ограду.

За мемориальным комплексом видна уже настоящая военная часть. Под масксеткой стоит техника. Солдаты играют в баскетбол. Кристина снимает их.

– Как бы нашу съемочную группу не скрутили, – предупреждает Шустов. – У них же все еще война на дворе.

Кристина вопросительно оглядывается.

– Мир-то с Севером они так и не заключили, – продолжает Шустов.

Кристина перестает снимать, прячет смартфон в рыжую сумочку. Они обходят военную часть стороной, дорожки ведут куда-то выше, глубже в парк. Снегопад прекратился совсем. На ветвях чистые снежные шапки. Молча они идут по дорожке выше. Под ногами мелкая кленовая листва карминного цвета.

– Что, идем дальше? – спрашивает Кристина.

Шустов пожимает плечами.

И они продолжают восхождение куда-то, словно помимо своей воли. Кристина замечает что-то на сосне, достает смартфон, наводит – на ветке сидит перламутровая птица.

– Да это корейская сестрица нашей горлицы, – определяет Кристина. – Красотка.

– Павлины здесь водятся? – спрашивает Шустов.

– Ты же видишь, сколько снега.

– Первый снег... Да-а... Помню, такой же выпал на горе

в сентябре. Я поднялся туда один, еще до твоего приезда в заповедник.

– Я помню, – отозвалась Кристина, – ты рассказывал. Это было шестнадцатого сентября. Твое любимое магическое число с тех пор.

Шустов сдвинул шапку на затылок, удивленно глядя на женщину.

– Все точно. Как это ты не забыла?

Кристина развела руками – и вдруг присела. Это было похоже на артистический поклон.

Шустов засмеялся.

– А ведь ты когда-то в молодежном театре играла! – вспомнил и он. – Но сбежала от режиссера-совратителя... Сволочь. Вдруг он убил великую актрису. Нашу Мерил Стрип.

Кристина смахнула с порозовевшего помолодевшего лица снежинку – или что-то, отвернувшись к городу, видневшемуся в прореху между сосновыми заснеженными кронами. Корейская горлица захлопала крыльями и улетела, осыпав снег. И снег заискрился в ударившем луче солнца.

– Вот, – сказал довольно Шустов, – мы не прогадали.

– Пойдем дальше? – спросила Кристина.

– Да, – ответил Шустов, ткнув вперед и вверх сложенным синим зонтом.

Вверх вели дорожки по деревянным настилам с деревянными перилами, иногда прерываемые каменными ступенями, и тогда можно было выбирать, по какой именно дорожке продолжать подъем. Изредка сверху шли путники, все дальневосточного типа, узкоглазые, черноволосые, с лицами смугловатого, а то и откровенно желтого отлива. Многие были с лыжными палками, все – в походной одежде: в пуховиках, спортивных штанах, кроссовках. Шли паломники этого выходного дня и вверх, обгоняя двух странных пешеходов с синим зонтом, в одежде, совсем не приспособленной для снежных восхождений; особенно необычной была их обувь: сапоги на высоком каблуке у рыжехвостой иностранки и узконосые черные блестящие штиблеты у небритого мужчины в шапке с тяжелым бубенцом. И паломники, конечно, пялили узкие азиатские глаза на этих двоих.

Один кореец или китаец не выдержал и, указывая на их обувь, что-то сказал им с изумлением.

Шустов с Кристиной сдержанно улыбались, разводили руками. Кореец о чем-то спрашивал. Кристина попыталась заговорить с ним по-английски. Но тот не смог перейти на язык международных симпозиумов. И что-то продолжал говорить по-корейски. Наконец он вопросительно произнес:
– Джинкуе?

Шустов с Кристиной переглянулись. Кристина замахала рукой и ответила, что они не из Польши, а из России. Кореец выслушал и тут же довольный закивал.

– О, ноу, ноу проблем, ноу, ноу, – повторял он, качая головой и обгоняя их, уходя вверх.

– Мол, тогда дойдете, – сказал Шустов. – Русские ученые и бизнесмены всегда так ходят по горам.

– Кто же знал, что обвалится снег на голову, – откликнулась Кристина. – И что мы пойдем в горы.

И она растерянно посмотрела на Шустова, потом обвела взглядом некогда зеленых, а теперь синевато-серых дымчатых глаз заснеженные сосны, уходящие вверх по склону, фигурки поднимающихся и спускающихся горожан или туристов из близлежащих стран.

– А вообще-то... чего мы сюда, действительно, поперлись? – спросила она. – Ведь не собирались? В такую-то погоду...

Они продолжают восхождение. Спускающиеся паломники часто с ними здороваются, кивают, вежливо улыбаются. Шустов вдруг вспоминает, что еще вчера они месили слякоть на питерской улице, а вот уже действительность вздыбилась чудной горой с соснами и какими-то еще деревьями и кустами. И они пытаются ее одолеть.

– Действительность неодолима, – роняет Кристина, слегка задыхаясь.

– Ну, если гора и действительность идентичны, как любят

говорить твои коллеги, то они вполне одолимы.

Кристина машет рукой.

– Пустое.

А вершина уже видна. На нее восходят три пожилых корейца или китайца, а может японца. И дружно что-то горланят.

Последние ступени круто идут вверх. Кристина и Шустов взбираются на площадку, озираются, задыхаясь. Внизу Сеул, огромный и неведомый город с дорогами, домами, рекой, мостами, горами, музеями, ресторанами, дворцами, башнями, парками, он дышит, неясно гудит, как дракон, во все свои сопла, белеет снежной чешуей, выбрасывает столбы дыма.

– Привет горе, – бормочет Шустов, ветер срывает его приветствие с губ и уносит куда-то.

– Какой горе? – спрашивает Кристина, отворачиваясь от ветра.

– Нашей, – отвечает Шустов.

Кристина молчит, смотрит вниз, на дороги, по которым движутся крошечные спичечные коробки автомобилей.

Корейцы фотографируются на фоне соседних гор, на фоне Сеула.

– Ну и все-таки мы ее одолели, – спрашивает Шустов, – или нет?

– Мы даже не знаем ее названия, – возражает Кристина.

– Да назовем сами. Гора... э-э...

– Поздних лет, – подсказывает Кристина и слизывает нечаянно немного помады с нижней губы.

– Ты, как обычно, съедаешь помаду, – замечает Шустов.

Кристина беспечно отмахивается и отвечает, что внизу подкрасится.

– Хочешь пить? – спрашивает она.

И Шустов кивает.

– Но снег корейский есть не буду, – говорит он.

– Пойдем вниз, там дымятся кофейни, – произносит она, как будто цитирует чье-то стихотворение.

– Это цитата?

Она качает отрицательно головой.

– Когда-то я любил дальневосточных поэтов, – говорит Шустов. – Геолог Петров открыл это месторождение талантов созерцательных для меня. Чжуан-цзы, Лао-цзы... Нет, это не поэты. А поэты... как их там...

Он морщит лоб, сдвигает вязаную толстую шапку на затылок.

– Хм, нет, производителей дубленок, шуб и перчаток я знаю лучше. Pikenz, Paolo Moretti, Linnanen. А чудные творения Larin Nanka Oy! Это действительно вау. Мягкие, пушистые олени шкуры из-за полярного круга. Семейный бизнес с полсотни лет. Шкура под ногами на даче у моря, на стене в кабинете, если вы писатель а-ля Хемингуэй. Это ли не поэзия? А шубы из финской лисы «Голденберг фурс»?! Надо было, кстати, в такой тебе сюда и приехать.

– Это еще почему?

– Я слышал, у них тут культ лисы. Лисы-оборотни. Вот это был бы фурор. Хотя твой хвост и так производит на них неизгладимое впечатление.

– Перестань дурачиться.

– А все же, с точки зрения ученого-биолога, почему это так у них тут? Что за странная страсть к лисицам? Может, они произошли от лисиц? Мы все от обезьян, а они от лисиц, чернобурок.

– Это все как-то нелогично, дорогуша. Обратной боятся, а не почитают. Формулируй точнее.

Шустов постучал себя пальцем по шапке.

– Ну я же торгош, а не ученый.

Кристина устало взглянула на него и ничего не ответила.

Спускаются они другим путем. В одном месте ступеней нет, просто углубления в скале. Надо крепко держаться за веревочные перила. Сапоги Кристины скользят, она с трудом удерживается, вцепившись в веревку, лицо ее бледно. Шустов смотрит на нее.

– Да помоги же!

– Как я к тебе подберусь?

– Ох...

– Подожди.

Кристина нащупывает ногой углубление в камне, подтягивается на веревке.

– Надо было прежней дорогой... – задыхаясь, бормочет

она. – Но тебе необходима новизна.

Шустов готов возразить, но помалкивает.

За ними сверху с интересом наблюдают паломники выходного дня.

– Давай вернемся, – наконец предлагает Шустов.

– Нет уж, – бросает она и продолжает спуск.

И тут слышится неподдельный ужасный треск кости и кожи. Все замирает...

Кристина смотрит на ноги. Каблук сапога на левой ноге исчез. Она водит ногой туда-сюда, и каблук появляется. Но снова подгибается.

Шустов не может сдержаться и смеется. Кристина гневно взглядывает на него и, перебирая руками веревку, спускается со злосчастной скалы. Шустов – следом. Кристина нагибается, трогает каблук. Тот болтается на коже. Она пытается оторвать каблук. Шустов предлагает свою помощь, но та молча борется с каблуком – и отрывает его, в сердцах размахивается и запускает в снежные сосны внизу. Тут же с дерева срывается птица.

– Ого! Каблук вспорхнул! – восклицает Шустов, тряся бубенцом-помпоном и глаза в небо.

Хромая, Кристина продолжает шагать вниз. Теперь идти легче. Тут снова удобные деревянные помосты с деревянными крепкими перилами.

Они спускаются ниже и ниже. Идут вдоль высокой каменной стены, по которой выются то ли корни, то ли какие-то

растения. Дальше со стены свисают живые розы.

– Снег и розы! – восклицает удивленно Шустов, показывая рукой на алые цветы.

Кристина молчит и не смотрит.

Внизу Шустов сразу замечает стеклянную дверь кафе и предлагает зайти туда.

Кристина не выдерживает:

– Ты что, думаешь, я буду ковылять здесь за тобой, как хромая лошадь?! Может, будешь привязывать меня у дверей?

– Да тут давно нет коновязи, – машинально отвечает Шустов. – Одни стоянки БМВ и КИА.

Ноздри Кристины трепещут, брови хмурятся.

– Но что мы должны делать? – спрашивает Шустов.

– Да искать *обувной* магазин, и всего лишь, – отвечает Кристина.

– Ну, это само собой... – бормочет он. – Просто пока можно было бы согреться, перекусить...

Но Кристина уже ковыляет дальше. Шустов, бросив печальный взгляд на кафе, – за нею.

– Давай поймаем такси, – предлагает он.

Они стоят на дороге. Мимо проезжают автомобили, автобусы. Ни одного такси не видно.

– Ладно, – говорит Кристина, сворачивая к дереву, обмотанному циновкой из соломы.

Она опирается о ствол и стаскивает сапог с каблуком. Шу-

стов с недоверием за ней наблюдает.

– Уж сломай, пожалуйста, – просит она, протягивая ему сапог, – и этот.

– Ты думаешь?

– Ну, регенерация маловероятна.

– А, это... типа хвост и ящерка... Да уж. Хотя – вдруг здесь все по-другому?

Он берет сапог, вертит его. Кристина ждет с поджатой ногой в черном чулке. Водители и пассажиры проезжающих автомобилей глазят на них.

– Ох, нельзя ли поторопиться?

Шустов хватается за каблук и начинает его ломать. Но у него ничего не получается.

– Крепкий... – бормочет Шустов, отдуваясь, – зараза... Надо засунуть в какую-нибудь щель.

Он озирается по сторонам, видит урну, направляется к ней.

– Эй, ты куда же? – окликает его Кристина.

Шустов склоняется над урной, всовывает каблук между железной ножкой и бордюром, давит на сапог. Слышен треск.

– Ну что? – интересуется Кристина.

Вернувшись, он отдает сапог Кристине. Она торопливо натягивает сапог, топает им...

Шустов стоит, переминаясь с ноги на ногу, и глупо лыбится.

– Нет, все-таки не зря ты надел этот колпак, – замечает Кристина с узкой улыбкой.

По счастливому стечению обстоятельств именно сейчас мимо едет черное такси. И по взмаху руки останавливается. Но Кристина говорит, что это же deluxe taxi. Да уже поздно. Пожилой таксист выглядывает вопросительно с места. Шустов открывает переднюю дверцу. Но Кристина не садится, говорит, что сзади поедет. Тогда Шустов сам садится рядом с водителем. А Кристина пытается открыть заднюю дверцу, но у нее не получается. Шустов оборачивается, смотрит.

– Мог бы сначала меня усадить! – бросает Кристина.

Шустов сокрушенно вздыхает и мгновение просто сидит и глядит вперед. Водитель с интересом наблюдает за ними. Шустов наконец собирается вылезти, но тут дверца поддается, Кристина сама ее открывает и плюхается на сиденье.

Водитель молчит.

Шустов оглядывается на него.

– How do you do? – Шустов косится на Кристину. – Все так?

– Fine! Where we go? – хрипло спрашивает таксист.

– Чего он? – переспрашивает Шустов.

Кристина помалкивает.

– Where do you want to go? – снова спрашивает таксист.

Он коротко и аккуратно пострижен, в черном костюме, только галстука не хватает, чтобы походить на какого-нибудь клерка из уважаемой фирмы.

– Черт, куда нам надо? Ты чего молчишь?

Кристина глядит в окно.

– Please indicate the address, – с вежливой улыбкой просит водитель.

– Слушай, – бросает Шустов через плечо, – или ты говоришь ему хоть что-то, или я сейчас уйду куда глаза глядят, как говорят на Руси.

– То есть в кабак, – наконец-то прерывает молчание Кристина.

– Да! Я хочу жрать, – выпаливает Шустов.

– Mister, take us, please, to a good shoe store. In the women's shoe store. Be kind enough, – произносит Кристина.

Таксист кивает с улыбкой, еще три или четыре раза кивает, и автомобиль трогается, мягко катит по дороге. Шустов глядит на дома и машины, деревья и людей. Кристина тоже смотрит в окно. В автомобиле тепло, пахнет кожей, чем-то еще, чем-то вроде корицы. Тихо говорит радиоведущая. Звучит негромкая музыка, слышен голос певицы. Шустов косится на водителя. По желтоватому лицу расплывается некий свет удовольствия. Странное щебетанье и мяуканье под музыку.

Но внезапно оно действует успокаивающе.

Они едут по улицам Сеула и встают в пробке. Водитель

что-то говорит по-корейски. Музыка тихо льется. Всюду пыхтят автомобили. Время идет. Кристина начинает ерзать.

– Да нормально, – успокаивает ее Шустов.

Наконец трогаются. Стадо машин прется угрюмо по заснеженной дороге, слышны нервные гудки.

Кристина вдруг замечает что-то и торопливо обращается к таксисту:

– Oh, mister, please brake here, right here!

Тот оборачивается и явно возражает:

– But, madam, this is not a shoe store.

– No, no, that's what we need! – не уступает Кристина.

Водитель сворачивает к обочине. Указывает на счетчик.

– Обалдеть, – говорит Кристина, вытягивая шею, чтобы увидеть сумму.

Шустов тоже таращится, но молча вытаскивает бумажник, набитый корейскими вонами, и начинает отсчитывать.

В сыром воздухе резко раздаются все звуки, сигналы, визг тормозов, голоса. Они вышли прямо возле кафе. Да, за стеклом столики. Уже вечереет. Зажигаются окна. Снежные сумерки зябкие, диковинно чужие.

– Ты решила закусить? Но как же новые сапоги?

Кристина машет рукой.

– Потом. Мне и так удобно.

– Но мысы как-то по-турецки стали задираться вверх, – делится Шустов своими наблюдениями.

– Пусть принимают нас за турецких подданных.

– И на конференции ты хочешь красоваться в них?

– Найдем сами магазин, купим новые. Это черное такси очень дорогое.

Они поднимаются по ступенькам, открывают узкую дверь и оказываются в тесном кафе. Из-за стойки валит пар. Слышен грохот кастрюль, сковородок. За столиком сидят какие-то парни в синих робах, они отрываются от своих тарелок с супом и оглядываются на вошедших.

– Аньён! – приветствует всех Кристина.

Это словечко она выудила в интернете, из корейско-русского разговорника. Но почему-то в ответ никто не приветствует их. Парни отворачиваются к своей похлебке. Кристина и Шустов растерянно топчутся у порога, потом Шустов решительно направляется к стойке. Из пара выплывает корейка в белом халате. На ее лунном лице тут же распускается улыбка. Шустов жестами объясняет, что им хочется чего-нибудь поесть. Корейка кивает, но смотрит все-таки растерянно. Шустов снова изображает поедание хорошей горячей пищи ложкой. Да хоть руками! Есть хочется зверски. Наконец женщина предлагает им занять места за столиком. Кристина и Шустов садятся у мутного запотевшего окна. На лице Кристины брезгливая гримаса.

– Что не так? – спрашивает Шустов.

– Запахи.

– Запахи как запахи. Ну, чуток специфические... так мы ведь действительно в Корее. Но надеюсь, это не собачатина

у них там варится-парится. И не змеи с тараканами.

– Меня уже тошнит, хватит, а?

– Ты же ученый. Ученая.

– Господи, ну и что.

– Как будто Павлов не расчленил собак. Какая разница, есть ли их или мучить, а потом на мыло. Все любят строить из себя таких паинек. Американцы тычут нам афганской разрухой, как будто сами не выжигали вьетнамские деревни, джунгли. Русские в Турции морщат носы, натываясь на мусорные кучи, как будто где-нибудь в Твери или Архангельске у них по-другому. Когда уже все трезво научатся смотреть прежде всего на себя?

– Никогда, – твердо произносит Кристина.

7

Корейка приносит им дымящуюся еду, ставит поднос на столик. Кристина с раздувающимися ноздрями взирает на тарелки.

– Sorry what is it? – спрашивает она.

Корейка кивает, улыбается, у нее золотой зуб, что-то отвечает по-корейски.

Кристина берет вилку, ковыряет нечто, похожее и на омлет, и на запеканку, нюхает и отодвигает тарелку. То же происходит и со вторым блюдом.

Шустов стоически уплетает корейские яства.

– Что-то вроде картошки с сыром. Ничего, в общем, – рассуждает он, с трудом проглатывая еду. – Ну, может, со специями перебор. И какой-то вроде рыбный соус... Кхм, пфф... – Он отдувается, но уже берет и порцию Кристины.

– Кажется, рядом с гостиницей есть цивилизованное кафе.

– Ну уж нет, я согласен и на эту варварскую жратву.

– Кушай. Надеюсь, не залаешь.

Шустов вымученно улыбается, хватая чашку с кофе и махом выпивает.

– Пей и мой кофе, – предлагает Кристина. – Они принесли с молоком, а я молока не пью, ты же знаешь.

Шустов без споров следует ее совету. Из-за стойки за ними сквозь клубы пара наблюдает кореянка в белом халате. Шустов машет ей. Она подходит, сверкая золотым зубом, щуря кофейные глазки, потряхивая волосами в мелких завитках.

Шустов достает бумажник, жестикулирует, мол, сколько с нас?

И корейская тетушка вдруг машет руками, вертит головой из стороны в сторону. Она отказывается брать деньги. Шустов удивленно смотрит на Кристину.

– Madam, we want to pay you for lunch, – четко и громко произносит Кристина.

Кореянка что-то говорит, трясет кудряшками, улыбается и отступает.

– Ничего не понимаю, – говорит Кристина.

Шустов достает корейские деньги, шуршит ими. Но корейка отступает дальше.

– Стоп! – восклицает Кристина. – У нас же есть словарь-переводчик. Как я забыла! Надо же было сразу...

Она достает свой смартфон, включает его, щурится на синий дисплей.

– Очки в номере, – жалуется она.

– Дай взглянуть, – просит Шустов.

Он набирает несколько слов по-русски и они превращаются в корейские иероглифы. Он подходит к корейке и предлагает взглянуть на дисплей. Та смотрит, качает головой, машет руками. Наконец она о чем-то просит одного из парней в синей робе. Тот берет смартфон, выпячивает нижнюю губу и быстро набирает ответ. Шустов читает:

– Не по обязанности, а по службе... Что за тарабарщина...

– Наверное, не в службу, а в дружбу, – догадывается Кристина.

Они благодарят всех и выходят на улицу.

Уже темно, всюду горят фонари, окна, вывески. По дороге проносятся автомобили.

– Ума не приложу, – говорит Кристина, – что это их заставило... Может, какое-то благотворительное заведение?

– Столовка для бомжей? – спрашивает Шустов и оглядывается.

– Но те ребята в синих комбинезонах на бомжей совсем

не похожи...

– Может, день открытых дверей? Ну что-то типа того.

– Да нет, обычное кафе, нет никаких таких объявлений.

– Короче, загадочная корейская душа, – заключает Шустов. – И у них она загадочная. У финнов, кстати, тоже. Как напьются, лапландские песни поют.

Они озираются. Всюду высятся сияющие высотные дома, гостиницы. Кристина снова включает смартфон, передает его Шустову и просит посмотреть, где они находятся, с помощью GPS. Тот смотрит, переспрашивает название гостиницы. Оказывается, они в центре, до гостиницы идти пешком полчаса. И они идут по улицам, залитым светом фонарей, реклам, витрин. Вдруг видят впереди какую-то древнюю черепичную крышу с характерными загнутыми кверху краями.

– Какое-то историческое сооружение... Врата Сун-немун, – читает он по карте.

И они смотрят друг на друга. Лицо Кристины кажется очень бледным в свете витрин. А у Шустова половина лица черная. Мимо идут жители и приезжие, все как будто на одно лицо.

Перед витриной с обувью Кристина останавливается. Они заходят в магазин. Кристина мерит одни сапоги, другие, третьи, ничего не подходит. Молодая симпатичная продавщица с плохо скрываемым изумлением смотрит на сапоги Кристины.

– Все тесное, – говорит Кристина. – Не для моей подагры.

– Давай купим кроссовки.

– И в кроссовках я пойду на конференцию?

– Ну, я не знаю, в чем там ходят. В смокингах, что ли?

Сейчас даже в Мариинку ходят в джинсах и кедах, и ничего.

– У меня другое воспитание.

– Ну да, ну да, папа в Смольном работал, я помню, на черной «Волге» разъезжал... Но ты ведь когда-то от всего этого и сбежала в заповедник, в зимовьюшку на горе Бедного Света? – спрашивает он уже на улице.

Кристина вздыхает.

Шустов ожидающе смотрит на нее сбоку. Но Кристина молчит.

– Так и не понятно, – заключает он, – о чем был этот вздох.

О папиной «Волге» или о пихтовых нарах в зимовье.

Кристина не отвечает.

По пути в гостиницу они заходят в продуктовый магазин и покупают всякой всячины: крупы, чая, кофе, булок, конфет, консервов, яиц, печенья, две бутылки корейской водки. Последнее не нравится Кристине. Но Шустов возражает, эта водка, по слухам, вдвое слабее русской, и в бутылке только 350 миллилитров.

Озябшие, вымотавшиеся, они входят в холл гостиницы и под взглядами работников в безупречных костюмах проходят к лифту, поднимаются на свой этаж. Кристина тут же идет в душ, Шустов пытается включить газ, но спохватыва-

ется, что нет спичек. Что же делать? Куча еды, а ничего не приготовишь. Но появляется Кристина с волосами, замотанными полотенцем, в белом халате, розовощекая, и тут же решает проблему: газ и включается, и сразу зажигается.

– Ну, сами мы не местные, – говорит Шустов, наливая воду в кастрюлю и ставя ее на огонь.

Кристина сразу усаживается в кресло и берет ноутбук. Шустов включает телевизор на стене. Но Кристина просит выключить, ей надо подготовиться к завтрашней конференции.

– Как будто ты уже не готова, – досадливо произносит Шустов. – И твое выступление не завтра.

Поздно вечером они едят рис с консервированной рыбой, свежими помидорами и огурцами. Шустов снимает пробу водки, она действительно похожа на сильно разведенный спирт, с кислинкой. Он тут же выпивает всю бутылочку и не пьянеет. Тянется за второй, но Кристина убирает ее в холодильник. Потом они пьют чай, глядя новости на корейском языке.

Ночью сквозь шторы светит сильная луна. Шустов не спит. Встает, подходит к окну, отодвигает штору. Луна круглится над крестом церкви, зажатой высотными домами, как стенами ущелья. Шустов оглядывается на постель. Кристина спит. Он приближается к постели, но сворачивает к холодильнику, осторожно открывает дверцу, свинчивает пробку с тихим хрустом и выпивает полбутылки корейской смешной

водки. Немного медлит и допивает все.

8

Утро. За окном солнечное небо над небоскребами. Шустов под одеялом. Наблюдает за Кристиной. Она сидит перед зеркалом в белом халате и красится. Шустов зевает. Кристина оглядывается и смеривает взглядом его мягкое лицо.

– Только сильная струя справится с твоим ликом, – замечает она, снова обращаясь к зеркалу. – Вставай. Нас ждет завтрак.

– Я не пойду, – отвечает Шустов.

– То есть как это? Ты не хочешь есть? – спрашивает она, подкрашивая губы.

– Нет. Попью здесь чая... да и у нас все есть.

Кристина хмыкает, заканчивает туалет, сбрасывает халат, натягивает черные брюки, надевает светлую блузку и уходит.

Шустов валяется. Потом встает, набирает стакан воды, залпом выпивает и, отдуваясь, снова ложится. Берет с тумбочки пульт, включает телевизор. На большом плоском экране на стене море, рыболовецкий корабль, снизу бегут иероглифы, женский голос бойко вещает; с минуту Шустов смотрит на море, потом переключает канал.

В этот момент приходит сообщение по мобильному телефону. Он берет трубку, смотрит. Компаньон Буряев Костя пишет о новой партии дубленок из Китая, брать или нет?

Да, это вопрос...

Еще не реализована предыдущая партия. Хотя на носу зима.

«Бери», – пишет Шустов, морщась, как от зубной боли. И думает, что лучше бы телефоны при пересечении корейской границы переключались в обязательном порядке на иероглифы.

Слышны позывные, это «Blue Light Boogie», что значит «Синий свет буги», Кристина уже объясняла Шустову. Она любит этого черного парня из Штатов с экзотическим псевдонимом Тадж Махал. Шустова раздражает и эта вещь, и этот блюз, и этот черный с жирным носом. Его музыкальные вкусы все также кружат вокруг битлов, «Песняров», как и сто лет назад, в те времена, когда они служили все лето на горе Бедного Света лесопожарными сторожами и слушали вечерами над затихшим Байкалом радиоприемник «Альпинист-305».

Значит, Кристина забыла смартфон.

Когда она приходит, Шустов все еще в постели.

– О, господин Обломов и в чужой стороне все таков же, – бодро говорит Кристина.

Ее глаза блестят, она отлично выглядит после вчерашней прогулки, душа, завтрака.

– Может, это злой рок Петербурга, – отвечает Шустов. – Тебе там звонил твой черный принц.

Кристина берет смартфон.

– Это Юонг, а не принц.

– Ну профессор. Хотя я имел в виду профессора синего бульона.

Кристина удивленно смотрит на него.

– Дорогуша, ты, кажется, еще спишь.

– Ты просто уже оторвалась от почвы, – парирует Шустов, почесываясь.

– Эй, не забывай включать логику. Хотя бы иногда.

Она звонит и говорит по-английски. Заканчивает.

– Так вот, насчет логики, – продолжает тему Шустов. – Есть такое устойчивое русское выражение, да? Профессор кислых щей.

Кристина не слушает, проходит к столику, открывает ноутбук, включает его, надевает очки в тонкой золотистой оправе, которая очень ей идет, смотрит, что-то пишет, двигает мышкой.

Снова «Синий блюз». Кристина оглядывается на смартфон, лежащий возле зеркала, и просит Шустова подать *ап-парат*. Шустов чертыхается, но встает, подносит ей смартфон, тяжело дышит. Кристина испуганно отшатывается от него, морщит нос с горбинкой, машет у лица рукой, как веером, бормочет: «Фу-у!.. Амбре посконное» – и уже отвечает на звонок:

– Светлана? Здравствуйте! Да. Да. Все прекрасно. Мы... мы... Что? Нет, мы... Снег? Ну и что. Мы совершили восхождение на гору. Какую? А вот в конце улицы, за музей-

ным каким-то комплексом. То ли тюремным, то ли казарменным... Но там и настоящая военная часть дальше... Да. Да. Вид великолепный. Правда, случилась небольшая авария. Ай, пустяки. Сломался каблук. Мы не думали... Кроссовки?.. Конечно. Да.

Шустов скидывает халат и плетется в ванную, зевая и почесывая заметный волосатый живот, волосатую грудь. Кристина провожает его острым взглядом поверх очков.

Шустов долго стоит под душем, добавляя то холодной воды, то горячей. Гостиничный шампунь какой-то странный, плохо мылится, но благоухает приятно, свежо и чуть экзотично. Шустов вытирается толстым бархатистым полотенцем, возвращается в комнату.

– Слушай, – говорит Кристина, – так ты, оказывается, выдул ночью всю эту соджу? Или уже утром?

– Какая разница, – глухо отвечает Шустов.

Он следит за Кристиной, как она собирается.

– Начало ведь позже, – напоминает он. – Что-то изменилось?

– Все-таки надо купить обувь, неужели ты думаешь, что я должна щеголять в этих кривых черевичках?

– Но я еще не просох...

– Это заметно.

– Да ладно тебе! Подумаешь, попробовал местной водицы, чуть разбавленной спиртосодержащим раствором. Там градусов, как у пива.

– Вполне достаточно для разгона.

– Никто не собирается разгоняться.

Кристина отмахивается и надевает юбку.

– Я тоже хочу выйти, – говорит Шустов.

– Разве я тебя запираю? Тут две магнитные карточки.

– Я с тобой.

– Ну уж нет! – отрезает Кристина, поправляя блузу и надевая сверху приталенный пиджачок.

– Да не на конференцию. А в обувной. Помогу выбрать сапоги.

– Нет.

– Почему? – растерянно спрашивает Шустов.

– Потому. Своим сивушным ароматом распугаешь весь персонал.

– Тьфу ты! Как будто они не квасят. Экие нежные эти корейцы. Ты что, не слыхала, как они ржут на улицах? Прут такими тиграми. Ну, улыбнутся для приличия. А сами тигры и есть. Ихнюю страну так и называют: прыгнувший тигра. Прыгнувшая. То есть... Ладно, иди-иди. Привет профессору Тадж Махалу Юонгу.

– Его зовут Юонг.

– Какая разница, Тадж Нахал он и есть Тадж...

Шустов надевает халат, наливает в чайник воду, включает его.

– Да, а что, гид звонила? – спрашивает он.

– Звонила, – коротко отвечает Кристина.

Шустов ждет, но Кристина не продолжает, роется в плоском портфеле.

– И чего она?

– Ничего, – в тон ему отвечает Кристина.

– Ну и хрен с ней, – бросает Шустов и заваливается на постель, берет пульт, включает арабский канал, повышает громкость.

Кристина морщится, но ничего не говорит, торопливо собирается и проходит в прихожую. Надевает плащ, берет сумку. Клацает защелка на двери. Шустов остается один в номере, наполненном арабской тарабарщиной.

– Что ж! – ожесточенно кричит он бородатому арабу, берущему интервью у другого бородатого араба в мечети. – Камин затоплю! Буду пить! Хорошо бы собаку купить!..

Закипает вода в электрическом чайнике. Шустов заваривает чай. Подождав, пьет его, сидя за стеклянным столиком у окна, под арабский громкий говор, но не глядя на экран. Смотрит он в окно, на заснеженную крышу церкви в окружении высотных домов, в окнах которых сияют солнца, множество корейских солнц.

Эта фантастическая картина завораживает тем, что странным образом напоминает солнечные волны Байкала, солнечные волны юности, солнечные волны тайги. И тело Шустова пронзает давнее предчувствие счастья, и он испытывает мгновенное возвращение жадности – жадности, с какой озирает горизонты явные и мнимые. Каким огромным и вол-

шебным был мир. И Байкал грохотал сказочным морем, морем иных эпох, морем шаманских сказок, над которым летал смешной и нелепый черноволосый луноликий последний, ну или предпоследний, эвенк заповедного берега – Мишка.

Он вспомнил и его фамилию – Мальчакидов.

Мишка Мальчакидов, так его звали. Он и был проводником в дикий мир Байкала, тайги. Да-а-а...

Хотя в те времена Шустов и не смог бы назвать себя другом этого эвенка. Так, знакомым. Мишка слишком любил огненную воду, водил дружбу с заповедными забулдыгами. Шустову тогда было не до этого. Он размышлял.

Размышлял о *той стороне дерева*. Неужели правда? И ему это было интересно?

Правда, правда. Интересно. Ведь он даже и повесть какую-то писал. Кристину тогда вызвали в Ленинград телеграммой о якобы захворавшем серьезно дедушке. На самом деле ее хотели «спасти», вытащить из тайги в цивилизацию. Ну а Шустов в тоске по улетевшей белокожей студентке, бросившей учебу и удравшей в заповедник, и давай кропать что-то в тетрадочке, ага, однако...

И сейчас он даже вспомнил, как называлась его первая повесть: «Первый снег», а как же иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.